

ЯЗЫКОВЫЕ ПРАКТИКИ НЕМЦЕВ СЕЛА ПОДСОСНОВО АЛТАЙСКОГО КРАЯ (по материалам полевых исследований)

Владислав Курске, Ирина Варламова

Немецкие языковые ареалы существуют практически на всех континентах. В инокультурном и иноэтничном окружении у немецкого меньшинства формируется свой специфический говор: белграно-немецкий в Аргентине, техасский немецкий в США, мокра-немецкий на Украине, кухонный немецкий в Намибии и гвинейская разновидность немецкого «унзер дойч»¹. Варианты немецкого языка активно исследуются и описываются. Это касается и бытования немецких диалектов в Германии, и диалектов германоязычных меньшинств в Польше, Румынии, Венгрии, во Франции, Италии, Австралии, США и других странах. В современной России существуют поселения, в которых немецкий язык продолжает выступать в качестве родного для большей части жителей. В первую очередь это верно в отношении сёл немецких национальных районов в Омской области и Алтайском крае. В данной статье мы представим результаты наших наблюдений за языковыми процессами и практиками среди немцев села Подсосново. В центре нашего внимания — вопросы русско-немецкого билингвизма, заимствований, а также смешения и переключения языковых кодов. Материалы были собраны в ходе этнографической экспедиции, состоявшейся в июле-августе 2009 г. при поддержке Немецкого молодёжного объединения «Jugendring der Russlanddeutschen»².

В современной науке существует большой интерес к вопросам функционирования немецкого языка в иноязычной среде.

Курске Владислав Сергеевич, аспирант МГИМО(У), координатор программы «Восток-восток: партнёрство за пределами границ» Московского Центра Карнеги (г. Москва); Варламова (Зейферт) Ирина Николаевна, выпускница Лингвистического института Алтайской государственной педагогической академии, проект-менеджер Немецкого молодёжного объединения "Jugendring der Russlanddeutschen" (г. Барнаул).

В силу целого ряда политических причин публичное обсуждение проблем национальной жизни российских немцев было под фактическим запретом до конца 1960-х гг. Но затем лингвисты получили возможность свободно изучать немецкие диалекты в СССР, в том числе на Алтае. Таким образом, немецкие говоры в этом регионе находятся в поле внимания учёных уже более 50 лет. За этот промежуток времени произошли драматические сдвиги как на макро-, так и на микросоциальном уровне.

Так, после начала в конце 1990-х гг. массовой репатриации немцев в ФРГ языковая ситуация существенно изменилась³. Становится всё более актуальной проблема сохранения родного языка и культуры этнических немцев на территории бывшего СССР. В силу ряда экономических, политических и социальных причин резко возросло ассимилирующее воздействие языка окружения на островные говоры. В немецких селах Алтайского края немецкий диалект наряду с русским языком служит средством коммуникации и активно употребляется (по крайней мере, среди представителей старшего и среднего поколений). Но в последнее время у большинства этнических групп, проживающих на Алтае, наблюдается снижение доли владеющих языком своей национальности. Это следствие вытеснения национальных языков русским, который, будучи государственным языком, обладает высоким социальным статусом и служит важным ресурсом социальной мобильности. В результате этого вытеснения получают широкое распространение явления смешения и переключения кодов.

В рамках данной статьи мы анализируем языковые процессы и практики в конкретном населённом пункте, в котором реально функционируют два языка. Следует принимать во внимание тот факт, что в большинстве своём российские немцы проживают дисперсно и не имеют реальной возможности общаться между собой на немецком языке. Поэтому не следует распространять наши выводы о языковых практиках в селе Подсосново на всю этническую группу.

Островные немецкие говоры

Языковой остров — явление, которое всегда вызывало интерес у учёных из разных стран мира. Народы, мигрируя из одной страны в другую, селились, как правило, компактно. Они

медленно ассимилировались, но при этом сохраняли язык и культуру. То же самое происходило с носителями немецких диалектов, которые в разное время и по разным причинам переезжали из Германии и компактно селились в разных странах Европы, Америки и даже Африки. Изучением языков таких компактных поселений и так называемых языковых островов занимается островная диалектология.

В самом общем смысле под «языковым островом» (нем. *Sprachinsel*) понимается «маргинальная область распространения какого-либо языка, отделённая от основного ареала политической границей и лежащая в пределах территории распространения другого языка»⁴. Г. Протце интерпретирует языковые острова как «... отдельные группы, отрезанные от “родного” национального языкового сообщества другими языками и культурами. Подчас “островные общины” ведут (в языковом и культурном отношении) интересную самостоятельную жизнь и имеют ограниченные связи как со своей исторической родиной, так и с государственным образованием своего окружения»⁵.

Современная островная диалектология перемещает акцент на социальную сторону этого феномена, что отражено в определении П. Розенберга. Языковые острова понимаются им как «языковые сообщества, проживающие на ограниченной территории и говорящие на языках или их вариантах, более или менее чётко отличающихся от языка окружения, и с этими языками связано осознание собственной отличительности, поддерживаемое непроницаемой коммуникативной системой или сетью, направленной скорее внутрь себя, чем вовне»⁶.

Языковой остров располагается на территории государства с иным общераспространённым языком. Он является одновременно анклавом (по отношению к государству с его национальным языком, к которому он принадлежит территориально и политически) и эксклавом (по отношению к государству и его национальному языку, к которому он принадлежит генетически, этнически, лингвистически, а подчас даже и культурно)⁷.

Характерной чертой любого языкового острова является «перекрытие» его языком окружающего «остров» языкового большинства, в силу практической роли и социальной престижности этого языка. Высокий социальный статус языка большинства приводит к тому, что носители островного диалекта овладевают языком окружающего населения, при этом зачастую связи с родным языком ослабевают. Этот феномен при-

водит к такому явлению как билингвизм (владение, пользование двумя языками).

Современная языковая ситуация в немецких сёлах Алтая

На сегодняшний день одним из мест компактного проживания российских немцев является Немецкий национальный район Алтайского края. Район имеет продолжительную историю: он существовал в качестве отдельной административной единицы с 1927 по 1938 г., когда в СССР проводилась политика коренизации. В июле 1991 г. он был восстановлен практически в прежних границах. В него вошла часть хозяйств Хабаровского и Славгородского района с населением в 20 517 человек, в том числе 18 тыс. немцев, что составляло к концу XX в. около 10% всех немцев края⁸. Административным центром района стало село Гальбштадт.

В настоящее время в Алтайском крае распространено несколько больших групп немецких островных диалектов. В национальном районе селились, обособленно друг от друга, выходцы с Украины и Поволжья, говорящие на верхне- и нижненемецком диалектах. В селе Подсосново проживают носители верхненемецкого диалекта, а в сёлах Протасово и Полевое — нижненемецкого. В 1960—1970-х гг., в результате объединения маленьких колхозов в крупные хозяйства, начали складываться так называемые мультидиалектальные сообщества — стали появляться сёла, в которых вместе проживали носители разных диалектов. Так, например, в селе Кусак живут носители смешанных нижненемецкого, западно-восточно-средненемецких говоров. В селе Редкая Дубрава, кроме нижненемецкого диалекта, представлен также смешанный говор католических переселенцев с Украины. А в селе Дегтярка соседствуют нижненемецкий, южнофранкский и поволжский диалекты⁹.

Немцы села Подсосново говорят на одном диалекте и именуют свой говор *Luteranisch* — «лютеранский», в отличие от «католического» и «меннонитского», распространённых в соседних деревнях. Как мы видим, в основе вычленения диалектов осталась религиозная составляющая. Дело в том, что до революции немцы предпочитали основывать поселения по конфессиональному принципу. Выходцы из северогерманских земель были в основном протестантами (лютеранами, кальви-

нистами, реформатами и т. д.); колонисты из южных областей — католиками. Они воспроизвели это разделение и на новых территориях. Подсосновцы подчас не отдают себе отчёт, что термин «лютеранский» в первую очередь является конфессиональной характеристикой; для них он является больше лингвистическим. Некоторые респонденты назвали свой язык «швабским». При этом они уточняли, что «лютеранский» и «швабский» — это одно и то же, и что чаще они именуют свой язык *Luteranisch*. Обратим внимание, что конфессиональный и этнический признаки в сознании наших информантов несколько перемешаны. Село Подсосново было основано именно как лютеранское, поэтому и диалект получил такое название. Затем религиозная составляющая этого термина была размыта в силу уничтожения церковных структур и распада традиционного образа жизни в годы массовых репрессий 1930—1950-х гг. При этом понятие *Luteranisch* обрело нынешнее этнолингвистическое значение.

В Подсосново в начале 1990-х гг. открыли небольшую лютеранскую кирху. Богослужения проводятся на местном диалекте и на русском. Молитвы и псалмы поются на литературном немецком языке. Ещё 30 лет назад молитвенники и Библии были либо рукописными, либо являлись семейными реликвиями, сохранёнными в годы депортации и репрессий. Их катастрофически не хватало для нормальной церковной жизни. После создания национального района богослужebные книги были присланы из Германии. Они напечатаны готическим шрифтом, что придаёт им налёт «старинности»¹⁰. В основном ходят на службы пожилые немки. Число постоянных прихожанок — примерно 30—40 человек. Мужчины в церковь не ходят. Респонденты объясняли нам, что если для женщины активное участие в религиозной жизни было простительным недостатком в годы советской власти, то мужчине это грозило серьёзными взысканиями по партийной и административной линиям. С того времени закрепилась практика посещать кирху только женщинам.

Два десятилетия, прошедшие с момента распада СССР, ничего в этой ситуации не изменили. Молодёжь ходит в кирху тоже нечасто, т. к. плохо понимает проповеди на немецком языке. Но даже в том случае, когда респонденты не посещают церковь, они декларируют в интервью свою принадлежность к лютеранству: «Я вот на службы почти не хожу. Но я лютеранин,

потому что я немец и “по-лютерански” говорю. Но вот у русских своя церковь — православная, а у нас своя — лютеранская». Таким образом, конфессиональная принадлежность воспринимается как производная от национальности. Судя по высказываниям информантов, этническая идентичность, язык и религиозная принадлежность связаны для них воедино.

Различия в диалектах немцев Алтая являются иногда очень значительными. Особенно сильно, по мнению наших респондентов, далёк от их говора «платский» язык, т. е. диалект меннонитов, проживающих в соседних сёлах. Его также именуют «плат-дич» или «плот-дитч». Он принадлежит к нижненемецкой группе и близок по звучанию к нидерландскому. Примечательно, что в силу слабого взаимопонимания носители «лютеранского» и «меннонитского» диалектов нередко вынуждены использовать *«lingua franca»*, в роли которого выступает не литературный немецкий, а русский язык. Подсосновцы иногда подчёркивают, что на «плате» говорят немцы — выходцы из Голландии, но сомнений в их принадлежности к одной этнической группе у наших информантов не возникает:

Лютеранская кирха в селе Подосново

Пожилые немки поют псалмы

«У них предки голландцами были. Но потом они уже немцами стали. Так вот и получается, что мы немцы немножко разные. Но всё же немцы».

Другой респондент заявил нам:

«Вот у нас немцы “тайче” зовутся, в Гришковке — “диче”, так... в Гальбитадте — “дейче”. Некоторые вообще “меннониты” или “платские”. Но всё равно мы все для русских — немцы. Мы уже привыкли как-то все вместе держаться. Ну, и общаемся мы часто между собой».

Как мы видим, несмотря на диалектные отличия, немцы Алтая обладают выраженной групповой идентичностью и солидарностью.

Для немцев Алтая литературный немецкий язык также является консолидирующим символом. К примеру, подсосновцы признают в меннонитах немцев не только из-за «записи в паспорте»:

«Понимаем мы друг друга не очень хорошо. “Разговор” у них смешанный какой-то. Но вот в церкви они молятся на “чисто

немецком”. Библии, псалмы на настоящем немецком языке, который уже и нам понятен».

Стоит отметить, что письменный немецкий язык (*Hochdeutsch*) характеризуется как «чистый» и «настоящий». Таким образом, носители диалектов осознают, что их говор является производным от литературного немецкого языка и уступает ему в престижности и статусе. Для лютеран *Hochdeutsch* обладает в каком-то смысле сакральным значением. Ведь Мартин Лютер, основатель церкви и лидер Реформации, является одним из родоначальников современной немецкой языковой нормы. Библия была переведена с латыни именно на верхненемецкий, что и сделало его литературным.

Как отмечала Е. Протасова¹¹, немецкий язык, сохраняющийся в разных регионах мира, остаётся немецким языком, в частности, потому, что его считают таковым сами носители языка и потому что Германия выражает явную устремлённость считать все диалекты и контактные формы метаморфозами и вариантами единого немецкого языка¹². Это утверждение верно и в отношении немцев-подсосновцев: они с уверенностью заявляют, что их родной язык — «*Teitsch*». Некоторые респонденты, зная о том, что русскоязычные собеседники могут не идентифицировать в термине «*Teitsch*» слово «*Deutsch*», специально уточняют, что говорят на немецком, но на особенном его варианте: «*Понимаете, у нас говор не такой, как у Германии. У нас он исстари сохранился. Наши предки его ещё при Екатерине привезли в Россию, а мы сохраняли из поколения в поколение. Никаких американских слов. Чистый немецкий*».

Из высказываний информанта понятно, что он имеет представление о существующей литературной норме и знает о том, что в современном немецком языке много заимствований из английского. Он говорит о своём диалекте с гордостью и подчёркивает свою верность традициям. Сходная особенность, но в более выраженной форме, была выявлена О. Бредниковой у немцев Петербурга. По её мнению, сталкиваясь со стандартным верхненемецким языком и современной культурой Германии, российские немцы переживают своеобразный шок и сомнения в собственной этнической идентичности. Ответом становится попытка легитимации своей отличительности через обращение к традициям и истории. Получается, что рос-

сийские немцы, по их мнению, сохранили свой язык и культуру в большей чистоте, чем сами немцы Германии¹³.

На текущий момент немцы составляют около трети населения района; такая значительная убыль объясняется массовым выездом в Германию. К началу 1990-х гг. немцам из алтайских деревень удалось относительно хорошо сохранить свою этническую идентичность, язык и бытовую культуру. Это позволяло им без труда получать статус позднего переселенца. Традиционная семейственность придавала эмиграции лавинообразный характер: за одним репатриантом тянулся целый клан. Потери несколько компенсировались переездом в район немцев из других регионов страны, а также из Казахстана и других государств Центральной Азии.

Особенностью во взаимоотношениях между немцами-«старожилами» и немцами-«приезжими» является обоюдная напряженность. Нередко возникают споры и ситуации недопонимания. Подсосновцы именуют приезжих «казахскими (немцами)», «казахами», «казахстанцами». Их раздражает плохое знание немецкого языка новоявленными соплеменниками. Послушаем одну из респонденток:

«Они не настоящие немцы. По-нашему совсем не понимают ни взрослые, ни дети. Совсем другие, на нас не похожи. Вот у нас соседи — “казахи” (то есть немцы из Казахстана. — В.К., И.В.), так у них вечно во дворе неубрано, забор покосился. А у нас, знаете, за это штрафуют... Сельсовет штрафует на 500 рублей за неопрятность. Так я сделала им замечание, а они обозлились. Когда мы между собой говорим по-немецки, они так зло смотрят. Странные они. И в школе их дети хулиганят и плохо учатся. А еда у них какая? Только плов и готовят. Летом на всю улицу этот запах...»

Подобные высказывания не единичны. Их в той или иной мере разделяют почти все немцы-старожилы. Они всячески подчёркивают, что «казахстанские» немцы недонемцы или «испорченные» немцы. Любопытное объяснение причин напряжённости между двумя группами немецкого населения мы услышали от представителя администрации:

«Понимаете, район у нас немецкий и село немецкое. И здесь сложились особые отношения между немцами и русскими: и те, и другие уважают культуру и язык друг друга. А вот появляются немцы из Бишкека или Узбекистана. И своего языка даже

не знают. То есть они как бы нам, немцам-подсосновцам, имидж портят, репутацию плохую делают. Ведь раньше себе представить нельзя было, чтобы немец по-немецки не понимал, чтобы неаккуратный был. А они именно так себя и ведут. От этого и проблемы, непонимание».

Таким образом, немцы-старожилы склонны рассматривать собратьев как угрозу своему статусу и сложившемуся балансу отношений между русскими и немцами.

Но есть и позитивные примеры: учительница местной школы рассказала нам о семье, переехавшей в Подсосново несколько лет назад из Кустаная:

«Они приехали и пошли сразу с соседями знакомиться. Мне они понравились. Они очень обрадовались, что мы немцы. Сразу стали рассказывать, что они тоже. Ну, я и стала на немецком, а они стоят и видно, что совсем ничего не понимают. Смотрят так виновато. Я говорю, что это не дело: если вы немцы, то должны немецкий знать, а иначе никак. Они согласились. Ну и как-то так повелось, что я их понемногу и обучила основным-то словам и выражениям. А детишки их совсем хорошо выучились».

Отметим, что немцы не ожидают от русских односельчан, что те выучат немецкий, и общаются с ними по-русски. Но от своих приезжих соплеменников они требуют хорошего знания родного языка или хотя бы демонстрации желания им овладеть.

Проблемы сохранения родного языка у немцев села Подсосново

Немецкий язык, как литературный, так и диалект, являются для немцев села Подсосново не только средством коммуникации, но и основным показателем их этнической идентичности. При этом различается речевое поведение носителей языка разных поколений. Основным признаком речевого поведения представителей старшего поколения (56—85 лет) является доминирующее место немецкого диалекта в их языковом репертуаре. Частое использование диалекта имеет свои социальные причины. Общение этой возрастной группы преимущественно происходит с немецкоговорящими партнёрами, поэтому им

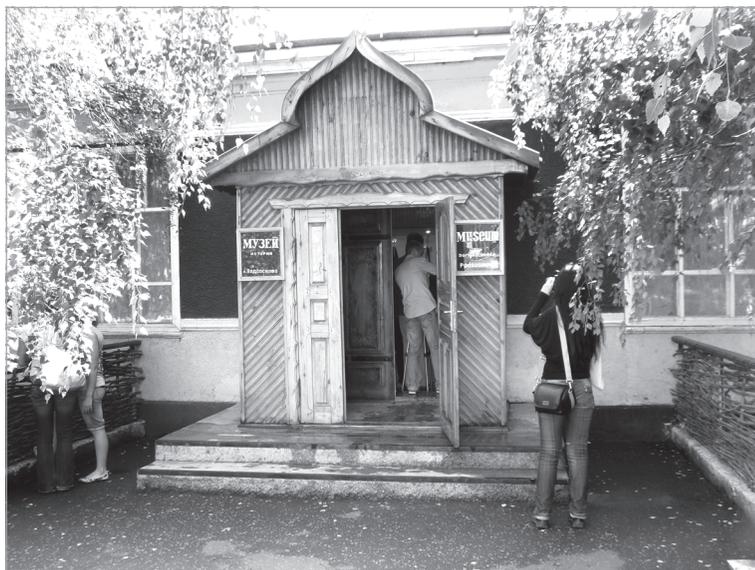
не приходится прибегать к русскому языку. При этом в общении с представителями других возрастных групп или других национальностей происходит смена языка для достижения взаимопонимания. Старшее поколение не испытывает недостатка в словарном запасе; это обусловлено традиционной формой жизни, трудовой деятельностью, небогатым техническим оснащением, что, в свою очередь, не требует использования слов из другого языка. Также это связано с тем, что ещё 40 лет назад русский язык в компактных поселениях российских немцев имел очень ограниченное хождение. Он был языком общения с официальными органами и приезжими, но и в этих ситуациях он использовался не всегда. Лишь в последние три десятилетия сфера применения русского языка представителями старшего поколения значительно расширилась. Это частично касается и семейного общения, в первую очередь в тех семьях, в которых дети вступают в смешанные браки. Старшее поколение довольно хорошо знает и Hochdeutsch, т. к. многие получали образование ещё до депортации и учились в немецких национальных школах и классах.

Отличительной чертой языкового выбора среднего поколения (31—55 лет) является то, что большинство представителей этой группы учили немецкий язык в школе как «иностран- ный». В связи с этим литературный язык потерял для них статус одного из активных средств общения. Парадоксальным образом, школа сформировала у большого числа респондентов средней возрастной когорты отстранённое отношение к Hochdeutsch. Он перестал восприниматься как один из вариантов «родного» языка.

Рассматривая другие варианты речевого репертуара билин- гвов среднего поколения — диалект и русский язык, нужно отметить, что владение ими различно. Хорошее знание русского языка и активное его применение, не обусловленное профес- сией или социальным статусом, имеет большое значение при выборе того или иного языкового варианта. Русский язык при- обрёл статус свободно используемой формы общения, поскольку беседы о современной жизни, о политике, о технике и пр. легче вести на русском, чем на диалекте. Если же разговор в той или иной ситуации ведётся на диалекте, это приводит у говорящего к смешению языков и переключению кода.

Дело в том, что русский язык и немецкий диалект для пред- ставителей среднего поколения дополняют друг друга при рас-

пределении сфер общения. Если собеседник не говорит на немецком диалекте, респонденты легко переключаются на русский язык как альтернативное средство коммуникации. Диалект и русский язык выступают в качестве равноправных: оба используются в повседневных контактах жителей села. Решение в пользу того или иного зависит от темы разговора, места, окружения, привычек или просто случая¹⁴. Обе языковые формы для представителей среднего поколения стали настолько привычны, что выбор языка становится не альтернативным — немецкий или русский, а комбинированным — и немецкий, и русский. Смена языка может происходить на уровне фразы, предложения и при выборе слов. Однако диалект, хотя и утратил своё доминирующее положение у представителей этого поколения, продолжает оставаться для них одним из важных средств общения.

Подсосновский музей. Вывески на русском и немецком языках

В языковом репертуаре младшего поколения (10—30 лет) также представлены русский язык, литературный немецкий и диалект, причём последний не является доминирующим. Если в средней возрастной группе русский язык и диалект являлись

альтернативными формами коммуникации, то для молодёжи говор — это языковой вариант, не опирающийся на коммуникативную необходимость. Русский язык охватывает все сферы жизни молодых немцев, что оставляет диалекту только пассивную роль в рамках речевого поведения — понимание. Основными факторами вытеснения немецкого из сферы повседневного общения являются русскоязычное обучение в школе и доминирование русского языка в СМИ. Смешанные браки также являются немаловажным фактором, поскольку в большинстве случаев в межнациональных семьях говорят на русском языке, а навык общения на родном говоре утрачивается. Изменению соотношения русского языка и диалекта способствует употребление молодыми немцами *Nochdeustch*, который они изучают в школе как «родной язык». Подчёркнём, что это позволяет внедрять более эффективные методики обучения и даёт возможность выделить дополнительные часы для немецкого языка, но не предполагает преподавания предметов на нём.

Дом немецкой семьи

Проблема сохранения немецкого языка как активного средства коммуникации находится в центре внимания не-

мецких и российских властей. Более того, с 2009 г., в связи с перспективой ратификации нашей страной Европейской Хартии региональных языков или языков меньшинств, Совет Европы реализует, совместно с Правительством России, программу «Меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества». В качестве «модельных» территорий выступают Мордовия, Дагестан и Алтайский край. Группы экспертов мирового уровня описывают сложившуюся ситуацию в сфере поддержки языкового многообразия в этих регионах и оценивают возможные перспективы развития языков меньшинств. Доклад по Алтайскому краю был представлен в январе 2011 г. По заключению экспертов, «обучение, особенно молодёжи, имеет для немцев высочайшую степень приоритетности. Классы с обучением на родном языке (*Muttersprache*) существовали до девяностых годов прошлого века, но волна иммиграции в Германию значительно отразилась на школах, поскольку большинство людей, владевших двумя языками, покинули Немецкий национальный район, и такие классы закрылись. Главные проблемы заключаются в дальнейшем развитии условий для... создания национальной немецкой школы или специализированных классов с преподаванием на немецком языке в школах с углублённым его изучением».

Аналитики отметили также существующие в районе возможности неформального обучения. «Помимо преподавания немецкого языка на немецком языке в рамках традиционной образовательной системы, этническим немцам могут быть предложены возможности изучения немецкого языка в Центрах немецкой культуры (“Центры встреч”). В Алтайском крае существует 38 таких центров (*Begegnungszentren*), 12 из которых находятся в Немецком национальном районе».

После бесед с жителями села Подсосново и с районной администрацией специалисты Совета Европы приходят к заключению, что факт «укоренённости» и «интегрированности» позволяет «довольно легко принять меры, которые дадут возможность немецкому языку развиваться из языка, на котором говорят в быту пожилые люди, до языка, используемого во всех сферах повседневной жизни»¹⁵.

Наблюдая языковые практики немцев села Подсосново, мы пришли к выводу, что использование «лютеранского» диалекта ограничено бытовой и семейно-интимной сферой, а также

общением сельчан в процессе производственной деятельности. В силу отсутствия письменности и чёткой кодифицированной нормы говор подсосновцев можно изучать только в ситуациях непосредственного общения с носителями или по аудио/видеозаписям. Подчеркнём, что диалект в Подсосновье является реально действующим коммуникативным каналом. На нём говорят люди и на улице, и в магазине, и в церкви, и в администрации. «Лютеранский» говор используется наравне с русским языком, при этом он испытывает сильное влияние со стороны последнего. В последние годы активизировались официальные и личные контакты подсосновцев с Германией. Общение с родственниками и друзьями-репатриантами приводит к заимствованиям из современного литературного немецкого языка. Учитывая ограниченность словаря «диалекта», билингвы компенсируют возникшую лексическую недостаточность в основном с помощью русского языка.

Отметим также, что отличительными чертами диалекта является тенденция к сохранению реликтовых явлений, с одной стороны, и спонтанность развития, вызванная открытостью к изменениям, с другой. С консерватизмом, способностью долго сохранять элементы, восходящие к начальному периоду истории немецкого языка ¹⁶, тесно связана открытость диалекта к восприятию нового. Диалект более подвержен изменениям, чем литературный язык. Отсутствие письменной традиции и обособленность диалектов («лютеранского», «католического», «меннонитского» и др.) друг от друга позволяет им не только сохранять архаизмы, но и способствует их «открытости». Важным качеством диалекта является эмоциональность. Существование его как устной спонтанной речи обуславливает наличие большого числа междометий, русскоязычных вкраплений, что делает её более насыщенной и образной.

Литературный немецкий язык, диалекты и разговорная речь представляют собой три взаимосвязанные элемента единого национального немецкого языка. Характерными чертами немецких диалектов являются: устный разговорный характер и отсутствие письменности; ограниченность территории функционирования; незначительный диапазон коммуникативных функций; соотнесённость с определёнными социальными слоями; отсутствие кодифицированной нормы; сохранение реликтовых языковых явлений; спонтанность развития; восприимчивость к изменениям; эмоциональность.

Подсосновские немцы являются в языковом плане гетерогенной группой. Старшее, среднее и молодое поколение демонстрируют разные модели двуязычия, при всё более возрастающей значимости русского языка. Использование диалектов зависит как от степени владения языком, так и от ситуации и пригодности данной языковой формы для обсуждения тех или иных вопросов. Сфера применения диалекта ограничивается бытом и приватной сферой, в то время как общественно-политические и публичные поля предоставлены русскому. В результате длительного контактирования с русским языком мы можем наблюдать в «лютеранском» диалекте немцев села Подсосново различные формы межязыковых взаимодействий — прямые заимствования, а также смешение и переключение кодов.

Смешение и переключение кода в островном немецком говоре села Подсосново

Понятие «кодовое переключение» (или «переключение кодов») было введено У. Вайнрайхом¹⁷. Это переход говорящего в процессе речевого общения с одного языка (диалекта, стиля) на другой, в зависимости от условий коммуникации. Кодовое переключение может рассматриваться на трёх уровнях: слов, словосочетаний и предложений (текста). Сегодня наряду с понятием «кодовое переключение» нередко используется термин «кодовое смешение», которым обозначается произвольный, непреднамеренный переход с одного языка на другой. В отдельных работах встречаются попытки разграничить эти два феномена, однако они рассматриваются исследователями всё же как явления одного порядка. Мы разделяем мнение О.Н. Сычёвой о том, что **кодовое смешение** — разновидность **кодového переключения** на уровне слов¹⁸. Но нам кажется важным попытаться развести переключение и смешение кода.

Что же может являться причиной данных явлений? Кодовое переключение имеет природу не только лингвистическую или социальную; это феномен социолингвистический, т. к. оно напрямую зависит от таких параметров, как возраст и статус собеседников, образование, их социальные роли, тема разговора и т. п. Так, переключение кода в первую очередь бывает вызвано, например, сменой адресата, т. е. того, к кому обра-

щается говорящий. Если адресат владеет только одним из двух языков, которые знает говорящий, то последнему, естественно, приходится прибегать именно к этому, знакомому адресату языку, хотя до этого момента в общении с собеседниками-билингвами мог использоваться другой язык или оба языка. Переключение на известный собеседнику языковой код может происходить и в том случае, когда меняется состав общающихся: если к разговору двоих билингов присоединяется третий человек, владеющий только одним из известных всем троем языков, то общение должно происходить на этом языке. Отказ же собеседников переключиться на код, знакомый третьему участнику коммуникации, может расцениваться как нежелание посвящать его в тему разговора или как пренебрежение его коммуникативными запросами.

Ещё одним фактором, обуславливающим переключение кодов, может быть изменение роли самого говорящего. Скажем, в роли отца (при общении в семье) или в роли соседа по дому он может использовать родной для него диалект, но, обращаясь в органы центральной власти, он вынужден переключаться на более или менее общепринятые формы речи. Если этого не произойдёт, то он потерпит коммуникативную неудачу.

Тема общения также влияет на выбор кода. По данным исследователей, занимавшихся проблемами общения в условиях языковой неоднородности, «производственные темы» члены языковых сообществ предпочитают обсуждать на том языке, который имеет соответствующую специальную терминологию для обозначения различных технических процессов, устройств, приборов и т. п.¹⁹ Но как только происходит смена темы — с производственной на бытовую, «включается» другой языковой код или субкод: родной язык или диалект собеседников. В лингвистически гомогенном обществе при подобной смене кода происходит переключение с профессионального языка на общеупотребительные языковые средства.

В каких местах речевой цепи говорящие переключают коды? Это зависит от характера влияния тех факторов, о которых только что шла речь. Если влияние того или иного фактора говорящий может предвидеть и даже в каком-то смысле планировать, то переключение происходит на естественных границах речевого потока: в конце фразы, синтаксического периода, при наиболее спокойном режиме общения — по завершении обсуждения какой-либо темы. Однако если вмешательство фактора,

обуславливающего кодовое переключение, неожиданно для говорящего, он может переключаться с кода на код посередине фразы, иногда даже не договорив слова. При высокой степени владения разными кодами или субкодами, когда использование их в значительной мере автоматизировано, сам процесс кодового переключения может не осознаваться говорящим, особенно в тех случаях, когда другой код (субкод) используется не целиком, а фрагментарно. Например, говоря на одном языке, человек может вставлять в свою речь элементы другого языка — фразеологизмы, модальные слова, междометия, частицы. При коммуникации используется как общеупотребительная, так и специальная лексика второго языка. Кроме того, говорящие применяют эмоционально-оценочную лексику, синонимы и другие средства экспрессии речи, например, уточняющие, подчёркивающие тот или иной факт.

Сама способность к переключению кодов свидетельствует о достаточно высокой степени владения языком (или подсистемами языка) и об определённом уровне коммуникативной и общей культуры. Механизмы кодовых переключений обеспечивают взаимопонимание между людьми и относительную комфортность самого процесса речевой коммуникации. Напротив, неспособность индивида варьировать свою речь в зависимости от условий общения, приверженность лишь одному коду (или субкоду) воспринимается как аномалия и может приводить к коммуникативным конфликтам.

Материалом для нашего исследования послужили аудиозаписи, сделанные во время диалектологических экспедиций в село Подсосново в июле-августе 2009 г. Записи представляют собой монологические и диалогические тексты на различные бытовые темы: семья, биография, домашнее хозяйство, история села, работа, праздники, свободное время. Беседы стенографировались и анализировались нами с целью выявления закономерностей и факторов кодового смешения и переключения, а также для разграничения этих явлений. В текстах мы выбирали в первую очередь те места, где билингвы переходили на русский язык, и пытались определить, было ли это переключение кода либо его смешение.

Наиболее часто в речи носителей верхненемецкого островного диалекта встречается явление смешения кода. Информант использует слова русского языка при наименовании географических объектов и имён:

— *Kerore sin ich in Ural, город Бобровск Молотовская области. Jetzt is Пермская область.*

— *Nu, tes miste Эмилия Федоровна frouge.*

— *Tes war Юнгманн. Эммануил Юнгман. Он... ter hot kelehrt in Белокураха.*

— *Niewer noch Подсосново. Un nort sin mehr iwerzoge noch Подсосново, вот. Но escht noch Николаевка.*

Таким образом, воспроизводя названия городов и областей на русском языке, респонденты переходят на другой язык и прибегают к употреблению слов «город», «область».

В следующем примере междометия, наречия и некоторые предлоги зачастую используются на русском языке: эти части речи быстрее всего усваиваются у билингвов и поэтому очень часто используются в общении. К ним можно отнести: вот, ну, ну вот, а вот, это, этот, но, а, даже, вообще, иногда, пока, ну всё, ага:

— *Tes waaf ich net auf Taitsch. Вот... это... So sin te aach kepliewe.*

— *Pa uns is es alles jetzt вообще, to is alles kemischt.*

— *Wot tes kuge ich noch kerne. И вообще alde Filme. Такие вот... «Девчата» un so was.*

Упоминание некоторых реалий также заставляло информантов неосознанно прибегать к смешению кода:

— *Jo, tort is ... «Сбербанк». Tes is schun ondre ... mmm... tes war «Россельхозбанк». Nort war tes переименовать in «Агропромбанк».*

— *Wer hat tese пирожки kebake?*

— *Er war... hot onkefonge mer, war er echt to учётчик, tie тракторная бригада, nor war in сельсовет hot er kearweit, председатель сельсовета un парторг, un zuletzt hot er in omdel кадров kearweitet.*

Слова «Сбербанк», «Россельхозбанк», «Агропромбанк», «пирожки», «тракторная бригада», «сельсовет», «парторг» и «отдел кадров» — явления, характерные только для советской или современной российской жизни. Таких слов ни в немецком языке, ни тем более в говоре просто не существует. А вслед за ними информант неосознанно использует слово «переименовать» как результат смешения кода.

Иногда через смешение кода билингвы выражают своё отношение к предмету или лицу, используя оценочно окрашен-

ную лексику русского языка: «*Ich fuzähle вообще wenig noch wot so, wot moj tětka, tie konnt fuzähle, ja*».

Аналогами русского слова «тётка» выступают верхненемецкое «*die Tante*» и диалектное «*die Wes/Wesje*», но они носят нейтральный характер. Русский суффикс *-ка* привносит эмоциональную окраску и является признаком разговорной речи. В нашем случае использование слова «тётка» может считаться проявлением пренебрежения к человеку или же, наоборот, свидетельством близких, родственных отношений.

Во многих случаях фактором смешения кода выступает недостаточное знание языка, в нашем случае диалекта. Очень часто билингвы использовали русское слово, выдерживая сначала паузу — они как бы искали слово на диалекте и, не найдя его, обращались к более употребляемому слову:

— *Torich tem, tas pa uns tie Lehrer kewechselt hun, to war unser Klass arig... дружный.*

— *Mmm... in tie Post, sebst in tie ATС... in tie Post. Рядышком. Tes Rathhaus, tort is eschte Stock, zweite is Rathaus.*

— *Mann? Is ter zweite jetzt schon. (...) Un ter hot kewohnt nocosedству.*

— *(...) Saht sie nort, will sie там Stunde kewe, zu Haus. Там... is es... so ... уроки на дому.*

В частности, во втором примере респондент, пытаясь объяснить дорогу и не подобрав нужные слова на диалекте из-за нехватки словарного запаса, использует русское слово «рядышком».

Менее используемым оказалось явление переключения кода. Зачастую информант переключался на русский язык в момент, когда собеседник задавал вопрос или переспрашивал на русском языке.

Ситуация 1:

Р (респондент): Ja, ja. Er hot schon 1 разряд.

И (исследователь): Молодец!

Р: Юношеский разряд он сделал, первый в районе побил щас. Ну не знаю, он хотел в спортивный пойти, а вот... kerne, er will kerne... (из разговора о внуках).

Ситуация 2:

Р: Филейная работа. Das is Krippe.

И: Филейная, это как?

Р: Ну, сеточка плетётся, а потом вышивается рисунок. Als wie es Kraiz. Как крестиком. Zähl... считаешь вот эти клеточки также, рисунки. Вот такие есть.. это... all оригинальные. Это очень красиво...

И: Und wer hat sie es gelehrt?

Р: Tes hab ich arich... wollde ich tes lerne...

Ситуация 3:

Р: Es gibt Bierbrauerrei, mmm...

И: Колбасный цех?

Р: Сыромолочноперерабатывающий цех, молочный цех, пив-завод, там все напитки выпускают. Alle напитки sin. Un tonn is пекарня у нас, так всё стряпается. Вот это перерабатываются все крупы.

И: Ein kleines Staatchen für sie, ja?

Р: Ja, ja...

Ситуации 2 и 3 наглядно показывают, как респондент переключается с одного языка на другой в зависимости от того, на каком языке ему задают вопрос. После вопроса на русском языке он переключается на русский язык и продолжает диалог на русском, и в этом же диалоге после вопроса на немецком — переключается на немецкий.

Как и при смешении кода, билингвы нередко переключаются на русский язык из-за недостаточного знания диалекта. Очень многие вещи и действия, которые они выполняют практически повседневно, они не могут объяснить при помощи говора и поэтому прибегают к использованию русского как более функционального языка:

— Ich hun... so... immer so pissje noch kukt, tas ter hot... это всё... просто... он болезненно переживал это, что распалось всё. Щас мы уже опять 20 лет там. Ну и всегда в клуб ходили и везде. Тут же ничего не было, ни телевизора, ничё, не как в городах (из разговора о свободном времени).

— Nein. Mit tene taitsche Mensche musste mer so leide. Мы так натерпелись от тех немцев, что не забыть нам, что мы прожили. И чтобы я поехала опять и чтобы они издевались над нами. Они издеваются над этими немцами, которые из России туда приезжают. Нет, я не хочу. Мое самолюбие и гордость моя не позволяют этого. Я и тут проживу. За ихними тряпка-

ми, которые они относились, которые там берут в этом Красном Кресте, я не поеду никогда туда. Мне всё хватит на целый век и ещё кому-то достанется.

Из приведённого примера видно, что, прибегая к русскому языку, говорящий достигает большей выразительности при описании своих чувств и эмоций, чем если бы говорилось на родном диалекте.

В некоторых случаях при переключении на русский язык происходит обратное смещение кода — билингв описывает ситуацию на русском, но в своей речи использует слова из диалекта:

«Arig kude kost. Вафли, вафли... на кислом молоке их заводят. И на хорошем молоке, и сладкие, и кислые делаются вафли. И ещё Prode. Это жаркое. Мясо обычно гусиное, или утиное мясо берётся. Оно обжаривается, на низ и сверху картошка, заливается и оно ставится в духовку, она тоже жаривается. Вот это немецкое блюдо Prode. И наверху несколько кусочков. Очень хороший запах. Если любители немножко рису добавляют внизу, в бульончик туда. С картошкой, с мясом. Потом у нас ещё фруктовый суп. Schnittsup. Что, не слышали? Нем? Schnittsup wert варится. Wert kenotte сухофрукты, абрикосы, яблоки, груши... вот эти все сухофрукты were тщательно перебирают и варятся. На бульон, как компот. А потом делают вот сухой хлеб домашний, не магазинный... домашний. Сухой хлеб... берётся вся мякушка с середины и немножко масла сливочного берётся, и оно перетирается. Потом пара яиц, чтоб склеило и катаем мы такие шарики, галушечки получают. Добавляем туда, чтоб кислотность было немножко, лимонной кислоты, сахару, чтобы кисло-сладенько было, и заправляем сметаной. Кислой сметаной. И эти скипят вот эти галушки. Всё, и это Schnittsup готово. И к этим шницам стряпают ещё Krebbebli. Это замешивается тесто тоже на кислом молоке с содой немножко. И не круто замешивается вот это, и несколько раз ты перемешиваешь, покуда ты... ну где-то 1,5 часа или 2 часа это стоит у тебя тесто. А потом раскатываешь на столе и в масле или жире, в растительном масле жарить, обжариваешь эти Krebbebli. Ела? Но, многие, много, ну что немцы готовят, я могу готовить, и то, что русские готовят, хоть там голубцы, хоть борщи, хоть что. Но я не очень стараюсь щас, потому что мы очень солидные обои. Если я буду вкусно готовить, я в двери не пролезу» (из разговора о национальных блюдах).

Это характерно для носителей двух языков. Очень часто, говоря на одном языке, мы используем слова из другого языка по разным причинам: если это названия географических объектов, удобство использования слова, реалии и пр. В рассмотренном примере говорящий использует слова-реалии, относящиеся к немецкой культуре приготовления пищи: *Prode, Krebble, Schnittsup*.

Однако во многих случаях очень трудно определить, имеем ли мы дело с переключением или смешением кода. Дело в том, что в разговорной речи они идут одно за другим:

«Ja. Это хлеб когда стряпаешь, обычно когда некогда и tes is eine schwere Kost, wonn se tich satt ese, prauche to kar nix ese. No wert ленешка ausnunergewegelt. Kann to schmiere mit Puder. Mit фарш какого-нибудь если есть. Закатать рулетик. Вот это... и нарезать вот эти Strudel. А внизу немножко мясо ва-рится...».

В начале примера происходит переключение с одного языка на другой; кроме этого, внутри немецкой речи — смешение с русским языком, далее снова переключение кода, внутри которого — обратное смешение. Можно предположить, что между кодовым переключением и смешением существует ещё какое-то промежуточное явление — когда билингв переходит на другой язык, но переключение произошло не полностью, а человек уже начинает использовать иноязычные слова в своей речи:

«Мои предки переехали сюда, в Россию, в 1736 году. Schon iwer почти 300 Jahr sin мои предки sus wo tohin soi. Tie ware, in Саратовская губерния они основались, мои предки... Там был один убит, прапрадед какой-то. А вот наш... мой дедушка, их это там не устраивало на Волге, потому что там постоянно войны были. И они же тогда в то время сухопутные войска были... морским путём передвигались только вот эти военные. А вокруг Волги там основались одни немцы. Их всех убивали почти. Вот эти чёрные, они же приходили воевать, и они только... только пушечное мясо были вот эти все. И многие тогда из этих немцев переехали сюда, на Алтай, на Алтае обосновались. Вот мой дедушка переехал сюда, маме 8 месяцев было, они переехали сюда, в Сибирь...».

На основе приведённых примеров можно сделать вывод, что переключение и смешение кода существуют в сознании билин-

гвов параллельно. При этом смешение иногда существует как бы внутри переключения: переходя с языка на язык целыми логическими блоками (абзацами и завершёнными «мыслями»), подсосновские немцы и в рамках этих переходов постоянно вставляют в русский язык слова из диалекта и наоборот. Принятое нами разграничение между смешением и переключением языкового кода сыграло роль важного аналитического инструмента. Он позволяет выявить соотношения двух языков в сознании респондентов: происходит ли смешение этих языков или они существуют параллельно в качестве независимых коммуникативных кодов.

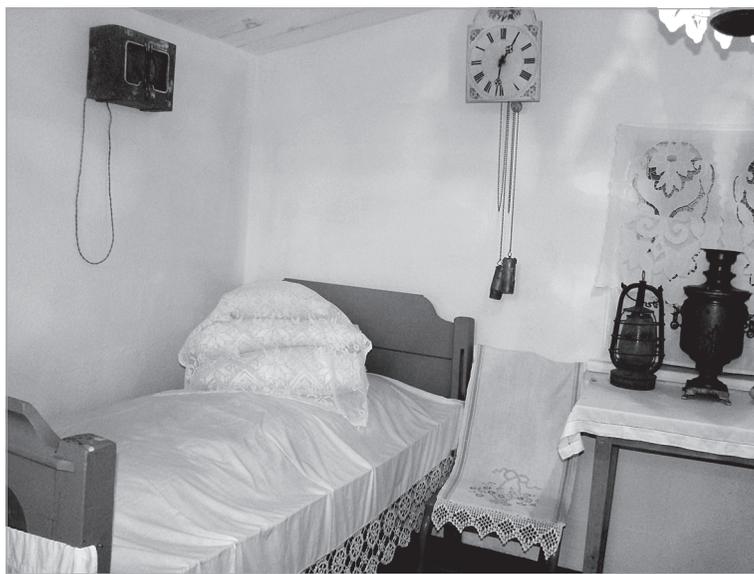
Займствования в речи немцев-подсосновцев

От смешения и переключения кода в речи билингва следует отличать явление займствования. Под этим термином нами понимается процесс, в результате которого в языке появляется и закрепляется иноязычный элемент (прежде всего, слово или полнозначная морфема). Займствование — неотъемлемая составляющая процесса функционирования и исторического изменения языка, один из основных источников пополнения словарного запаса. Займствованная лексика отражает факты этнических контактов, социальные, экономические и культурные связи между языковыми сообществами. Здесь мы имеем дело с активным творческим процессом обогащения словарного состава языка. Если объект займствования, т. е. понятие или новая вещь, подсказывается потребностями общества, то сам процесс осуществляется языком, который усваивает новое слово²⁰. Различают лингвистические и экстралингвистические причины займствования, которые, соответственно, зависят от структуры и потребностей языка и от внешней среды.

К лингвистическим причинам общего характера можно отнести уровень развития семантической системы заимствующего языка. Иноязычные слова восполняют существующие в ней пробелы. Пополнение тематических рядов и лексико-семантических групп экспрессивными синонимами из других языков приводит к регулярному обновлению экспрессивно-окрашенной лексики, т. к. со временем она утрачивает свою выразительность. При рассмотрении островных диалектов основной

лингвистической причиной заимствований является потребность в экспрессивной лексике, причём к этой группе относятся не только отдельно взятые слова, но и целые выражения: «фифа», «котик», «ничего подобного», «какой разговор». Сюда же можно отнести и использование нецензурной лексики.

Что касается экстралингвистических причин заимствований иноязычной лексики, одна из важнейших — контакты и связи между народами, языками и культурами. Более развитые страны политически, экономически и культурно влияют на соседние народы, которые одновременно и узнают, и перенимают новые предметы. Один из основных видов заимствований — заимствование предмета вместе с его названием.

Спальня в немецком доме. Кровать является гордостью хозяйки: украшается и застилается особым образом

Социальные и культурно-исторические явления в жизни общества отражаются в словаре российских немцев. Находясь в отрыве от литературного немецкого языка, островные немецкие диалекты пополняли свой словарь за счёт новообразований родного языка и заимствований. Переезжая в новую страну, люди перенимали новые, ранее для них неизвестные вещи вме-

сте с их названием: «балалайка», «православие», «сельсовет», «бригада», «бабушка», «рукавицы», «самовар» и др. Заимствованную лексику можно классифицировать по степени интеграции слова в диалект, разделив на три основные группы:

- **освоенные заимствования:** Stolowe (столовая), Pondje (баня), Prikade (бригада);
- **кальки:** Groußväterje Frost (Дед мороз), «Volk und Partia sind gleich!» («Народ и партия — едины!»);
- **иностранные слова:** Telewisr, Berjösa, Mebel, Pirozhki, Folklor, Festival.

Подсосновцы разводят коров красно-коричневой немецкой породы

Как видно, основную часть заимствований в диалекте составляет иностранная лексика, в данном случае — русские слова, не подвергшиеся ассимиляции со стороны диалекта. В этом просто нет необходимости, ведь все немцы села Подсосново говорят по-русски и не стремятся эти слова «онемечить».

По речи билингвов не всегда можно сразу определить, с каким явлением мы имеем дело. Но всё же есть отличия между смешением кода и заимствованием. Так, например, первое — единичное явление на уровне речи, а второе — это

уже элемент языка. Для выявления заимствований обычно используют следующие показатели: 1) частота употребления; 2) синонимия (наличие у заимствованной лексики синонимов в словаре заимствующего языка); 3) морфологическая ассимиляция (изменение, т. е. склонение и спряжение по законам принимающего языка); 4) использование слова в определённых группах или всеобщая употребительность; 5) ситуация употребления (в специальных текстах или в повседневном общении); 6) фонетические особенности, а именно — сохранение иностранного произнесения или ударения, сочетание фонем, нетипичное для данного языка; 7) словообразовательная активность²¹.

Самым надёжным критерием при выявлении заимствованного слова является его фонетический состав. Противоречие звуков слова известным фонетическим законам, характерным для данного языка, свидетельствует обыкновенно о его чуждом происхождении. Прочие критерии — семасиологический (разница в значении), морфологический (разница в формальном отношении) — менее надёжны и могут применяться только при невозможности узнать происхождение слова по фонетическому составу.

В ходе работы с практическим материалом мы попытались разграничить случаи смешения кода и употребления в речи носителей островного немецкого говора заимствований. Это оказалось непростой задачей, т. к. изучаемый говор существует только в устной форме. И если современная языковая норма (в том числе и заимствования) зафиксирована в словарях и справочниках, то норма говора существует в коллективном сознании его носителей. Поэтому представляется довольно сложным проверить, является то или иное слово заимствованием или нет. Смешение и заимствования трудно отделимы друг от друга в языке билингва, и мы не всегда сразу можем определить, с каким явлением имеем дело. Так, например, носителями говора в речи нередко употребляется слово «дружный»:

«Tie hot uns... pis... Klass. Torich tem, tass pa uns tie Lehre kewechselt hun, to war unser Klass arig... дружный».

В данном случае речь скорее всего идёт о смешении кода, т. к. говорящий явно подыскивает подходящее слово на диалекте, о чём свидетельствует пауза в предложении, и не найдя слова, говорит его по-русски.

Кроме того, при опросе других респондентов выясняется, что в говоре существует слово «*ohnig*» = «дружный, единый», что ещё раз подтверждает, что мы имеем в данном случае дело со смешением кода.

Приведём другой пример. Респонденты в диалоге употребляют слово «школа» в рассказах о своём детстве:

— *Hot geheirat un hot keschafft als Pädagog in музыкальная школа un aach in der общеобразовательная школа.*

— *Pa uns is to arig kut fot tie Kiner, to is all. To is музыкальная школа.*

При этом в говоре существует эквивалент «*Schul*» к слову «школа», что подтверждается опросом-анкетированием.

В нашем корпусе подобные примеры, когда трудно определить, смешение ли это кода или заимствование, встречаются довольно часто. Поэтому мы попытались выделить критерии разграничения двух явлений.

Выступление народного ансамбля «Morgenrot»
на празднике сбора урожая в селе Подсосново

Как уже упоминалось, одним из основных критериев определения заимствования является частотность употребле-

ния единицы в речи. Из собранного материала нами были отобраны слова, к которым носители наиболее часто прибегали на русском языке. К смешению кода мы отнесли случаи использования слов «бедный», «по-соседству», «игра», «грибы» и др., поскольку в говоре имеется немецкое слово-эквивалент: «бедный/бедно» — «arm/ärmer»; «по-соседству» — «Nochpog/tenewich»; «игра» — «Spiel»; «грибы» — «Kripi/Schwamm»; «равнодушно» — «Ohntun»; «новости» — «Naichkeit»; «тётка» — «Wes/Wesje»; «магазин» — «Lafke»; «соседка» — «Nochpern»; «немецкий» — «Taitschi/Taitsch»; «смородина» — «Kehonstrauben»; «огород» — «Kjarte»; «морковка» — «Kelriewe».

Однако не всегда всё так однозначно. Рассмотрим, например, слово «бригада». Носители говора в спонтанной речи употребляют русский вариант без фонетической адаптации: «*Es war verschiedene Arweit in tie Brigada*». При письменном опросе другие респонденты использовали варианты данного слова: «Prikade», «Prikat». Это то же русское слово «бригада», претерпевшее фонетическую адаптацию. Отсюда можно сделать вывод, что это заимствование. Кроме того, в тексте слово «бригада» используется с артиклем, т. е. с ним произошли и морфологические изменения, что тоже указывает на заимствование. Наконец, самым весомым аргументом в пользу данного вывода является отсутствие в говоре немецкого эквивалента слову «бригада».

Таким образом, проанализировав собранный материал, мы можем констатировать, что частота употребления не является абсолютным маркёром заимствований. Так, часть наших респондентов употребляют слова на русском (как в устной, так и в письменной речи), а другие используют либо немецкие эквиваленты, либо адаптированные заимствования из русского языка (это, например, слова «контора» — «Kontor», «гармошка» — «Karmoschka» и др.).

Самым надёжным критерием для определения заимствования является фонетический состав слова и морфологическая ассимиляция. Так, например, русское слово «баня», претерпев фонетические изменения — добавление немецкого окончания -e плюс оглушение звука «б», употребляется в речи носителей как «Pondje». Многие заимствования, однако, остались неадаптированными; в частности, к таким словам можно отнести «православие», «батюшка», «фольклор» и др.

* *
* *

Языковая ситуация в селе Подсосново являет собой поле активного взаимодействия и взаимовлияния трёх языковых кодов: русского языка, литературного немецкого и локального «лютеранского» диалекта. При этом коммуникативные практики местных немцев отличаются большим разнообразием. Все они являются в той или иной мере билингвами. Переключение и смешение языковых кодов довольно типично для «живой» речи российских немцев. Причины переключения могут быть как внешними (статус собеседника, окружение, первичный источник информации), так и внутренними (смысл и тема сообщения, степень владения языками).

Заимствования из русского носят не столь распространённый характер и чаще всего имеют немецкий эквивалент. В этом случае не происходит вытеснения немецкого термина, а возникает русский по происхождению синоним. Заимствование не является сиюминутным актом, а представляет собой процесс перехода слов или целых выражений в иной язык. В связи с этим принимающий язык (в нашем случае — немецкий диалект) постепенно ассимилирует новое слово, меняя его фонетический ряд и морфологию. При этом разные возрастные группы российских немцев могут использовать различные варианты, отражающие процесс адаптации русских слов в немецкой среде.

«Лютеранский» говор не имеет столь высокого статуса, как русский язык. В связи с этим его применение ограничивается семейно-бытовым пространством. Однако, по нашему мнению, эмоциональная привязанность респондентов к диалекту в сочетании с активным преподаванием родного языка в детских садах, школах и «центрах встреч» могут стать условием сохранения будущими поколениями жителей села Подсосново полноценного немецко-русского двуязычия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Гёте и не снилось. См.: <http://www.germania-online.ru/wissenschaft-bildung/nauka-i-obrazovanie-detal/datum/2010/06/22/gjote-i-ne-snilos.html>.

² Видеоматериалы по результатам экспедиции представлены на сайте Немецкого молодёжного объединения (см.: www.jdr.ru).

³ *Смирнова Т.Б.* Результаты этносоциологического опроса и мониторинга общественных организаций российских немцев // Немцы новой России: про-

- блемы и перспективы развития. Материалы 2-й международной научно-практической конференции. М., 2009. С. 12—15.
- ⁴ Домашнев А.И. Труды по германскому языкознанию и социолингвистике. СПб, 2005. С. 24.
- ⁵ Protze H. Die Bedeutung von Mundarten Umgangssprache und Hochsprache in dt. Sprachinseln // Wissenschaftliche Zeitschrift der Universität Rostock. Rostock, 1969. S. 6—7.
- ⁶ Rosenberg P. Comparative Speech Islands Research: Some Results from Studies in Russia and Brasil // Deutsche Sprachinseln Weltweit: interne und externe Perspektiven. Frankfurt am Main, 2003.
- ⁷ Фролова Н.А. Специфика развития островных говоров в условиях немецко-русского билингвизма (на материале говоров деревни Гебель Камышенского района Волгоградской области). Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1999. С. 25.
- ⁸ Матис В.И. Немецкий национальный район на Алтае (1991—2001). Барнаул, 2001. С. 25.
- ⁹ Москалюк Л.И. Социолингвистические аспекты речевого поведения российских немцев в условиях билингвизма. Барнаул, 2000. С. 24.
- ¹⁰ Официально переход на латиницу в Поволжье начался по решению ЦИК АССР НП с 1 января 1932 г. Перевод на новое письмо был огромной психологической проблемой для всего взрослого населения: готический шрифт воспринимался немцами как собственный «немецкий шрифт», это было традиционное письмо, которым пользовались предки; им были написаны все духовные книги. Поэтому в сознании человека отказ от старого шрифта заключал в себе отказ от национального прошлого и своей идентичности. Подр. см.: Черказьянова И.В. Национально-языковое строительство в СССР и судьба немецкой школы в 1920—1930-е гг. // Ключевые проблемы истории российских немцев. М., 2004. С. 234.
- ¹¹ Протасова Е.Ю. Русско-немецкий билингвизм и русский язык: опыт Германии // Диаспоры. М., 2003. № 1.
- ¹² По-прежнему остаётся дискуссионным вопрос принадлежности к немцам «бужских голендров» и меннонитов, т. к. представители обеих групп часто заявляют о том, что их язык не является немецким. При этом первые говорят о своей польско-украинской, а вторые о голландской идентичности (голендры — выходцы из польских земель, меннониты — из Фризии и Голландии). Подр. см.: Шостакович Б.С. Ещё раз к вопросу о термине «голендеры» // <http://www.pribaikal.ru/talci-item/article/2207.html>; Галеткина Н. Парадоксы коллективной памяти: бужские голендры в Сибири и в Германии // Диаспоры. 2006. № 1. О меннонитах см.: Немцы Сибири: история и культура. Материалы VI международной научно-практической конференции. Омск, 2010. С. 256—397.
- ¹³ Бредникова О.Е. «Вообще-то я русский... Но когда у нас в Питере бросают мимо мусор, я чувствую, что я всё-таки немец...» // Конструирование этничности. Этнические общины Санкт-Петербурга. СПб., 1998. С. 126—127.
- ¹⁴ Москалюк Л.И. Социолингвистические аспекты речевого поведения... С. 31.
- ¹⁵ Подробная информация о совместной программе «Меньшинства в России: развитие языков, культуры, СМИ и гражданского общества» представлена на сайте Информационного офиса Совета Европы в России. См.: http://www.coe.ru/news/project/index.php?ELEMENT_ID=99.
- ¹⁶ Protze H. Die Bedeutung von Mundarten Umgangssprache und Hochsprache in... S. 313.

- ¹⁷ *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие // Новое в лингвистике. Вып. VI. Языковые контакты. М., 1972. С. 56.
- ¹⁸ *Сычёва О.Н.* Кодовое смешение и переключение на английский язык в среде русского социума. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2005. С. 4.
- ¹⁹ *Проценко Е.А.* Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике (краткий обзор литературы за последние десятилетия) // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». Воронеж, 2004. № 1.
- ²⁰ *Кодохов В.И.* Введение в языкознание. М., 1979. С. 223.
- ²¹ *Wiesinger P.* Deutsche Dialektgebiete außerhalb des deutschen Sprachgebiets: Mittel, Südost- und Osteuropa/Dialektologie. Ein Handbuch zur deutschen und allgemeinen Dialektforschung. Zweiter Halbband. Berlin, W. de Gruyter, 1983.